
Наталья КРАВЧЕНКО

* * *

Еще до слова, до поступка
я чувствую родство с людьми,
когда снимается скорлупка
с души — и вот она, возьми.

И точно так же, до знакомства,
походка, облик или взгляд
мне чью-то тайну вероломства
иль чужеродства оголят.

Вот так тебя, еще не зная,
и до того, как обняла,
как будто вспомнила из сна я
и с первой строчки поняла.

* * *

Все, что накопила на черный день —
вот он наконец настал —
любимый голос, родная тень —
прочнее чем драгметалл.

Все, что припасла на худой конец
(конец — он всегда худой) —
любви моей золотой телец,
омытый живой водой.

Наталья Кравченко родилась и живет в Саратове. Публиковалась в журналах и литературных альманахах «Саратов литературный», «Эдита», «Русское литературное эхо», «Сура», «Параллели», «RELGA», «Новый свет», «Фабрика литературы», «Портфолио», «Артикль», «Эрфольг», «45-я параллель», «Семь искусств», «Лексикон», «Золотое руно», «Гостиная», «Подлинник», «День и ночь», «Южное сияние», «Зарубежные задворки», «Бумжур», «Южный остров», «Камертон», «Топос», «Новый день». Лауреат и дипломант нескольких международных поэтических конкурсов.

Пытаюсь расслышать сквозь шум и фон,
держась за каркас стропил, —
вот строки, что ты читал в микрофон,
вот музыка, что любил.

Пишу тебя, и держу в уме,
и умножаю на ноль,
и получаю солнце во тьме
и сладкую в ребрах боль.

Твои слова в сокровенный час,
портреты над головой —
вот мой НЗ, золотой запас,
что держит еще живой.

Звонит мобильник лишь по тебе,
теперь это мой смертфон,
где все номера ведут к тебе,
а смерть — это только фон.

* * *

Божия коровка, унеси на небо,
где мой любимый спит глубоким сном.
Одним глазком его увидеть мне бы,
хоть в облаке и в облике ином.

Лети к нему и сядь ему на пальчик,
как жаль, что мне нельзя туда самой.
Пусть ему снится, что он снова мальчик
и мама из окна зовет домой.

Я бы уснула тоже беспробудно,
но здесь его следы наперечет,
мне потерять их страшно — вот в чем трудность,
вот что мешает дать себе расчет.

Ни в Бога и ни в черта я не верю,
на все рукой безжизненной махну.
Но кроткому и крохотному зверю
ладонь открою, сердце распахну.

Лети, лети сквозь жизни амальгаму
туда, туда, за тридевять земель,
где милого его земная мама
небесную качает колыбель.

ОДНОВА

Сломалась жизнь — я смастерю другую,
отпилим хлам, а нужное прибьем!
Ту, что сейчас — и злейшему врагу я...
Мы одна вдвоем с тобой живем!

Ах жили, жили... Одна теперь я,
я одна, любимого вдова.
Летят души растрепанные перья,
и в перлы не слагаются слова.

Как хочется единственного чуда,
тепла плеча родного до утра...
Пошли мне снова весточку оттуда,
пусти меня погреться во вчера.

Коплю в душе все памятки и метки.
О кто-нибудь, прошу, умилосердь...
И бьют в окно поломанные ветки,
крест-накрест перечеркивая смерть.

* * *

Меня никто не сможет убедить,
что разделила нас с тобой могила.
И чтобы в реку дважды не входить,
я из нее еще не выходила.

Куда несет меня моя река,
любовь моя, отрада и отрава,
где мы с тобой сцепились на века,
река Забвенья, Плача, Переправы...

Держусь за память, словно за буюк,
на Переправе не сменю коня я.
Тут все уже последнее, мое,
я ни на что его не променяю.

Здесь будет все, как было при тебе —
твой кассеты, книги и пластинки.
И за улыбку в будущей судьбе
я ни единой не отдам грустинки.

Я удержу все, что смогла сберечь,
и сохраню твой образ на века я.
Моя река, моя родная речь,
что о тебе течет, не умолкая...

* * *

И тихо теплится окно,
чуть освещая жизнь,
что положила под сукно,
сказав ей: отвяжись.

Но даже в холоде и мгле
найдется уголек,
и будет снова на земле
светиться огонек.

Светай, светай в моем окне,
пусть разойдется тьма.
Как глубоко ты нужен мне —
не знала я сама.

И трубка пусть заморозит,
молчание поправ
и доказав, что дальше — жизнь,
что был Шекспир не прав.